
Инна
Вронская
ИЗМЕНА
ТАЙНЫЙ СЫН
ОТ ГЕНЕРАЛА

Инна Вронская

Измена. Тайный сын от Генерала

https://litres.ru/74731733
SelfPub; 2026

Аннотация

Я набираю в панике номер мужа. Сын пропал, не ночевал дома, сложный подросток.

Пальцы скользят по экрану, три раза попадаю не туда. Гудок.

— Алло?

Голос не его. Молодой, звонкий, чуть с хрипотцой. Женский. Я смотрю на экран. Рома. Номер мужа. Не ошиблась.

— Здравствуйте, — говорю я. — Мне нужен Рома.

— А вы кто?

Тишина. Одна секунда. Две. Потом громкий смех.

— Приятно познакомиться, — щебечет девушка. — Я Юля-любовница вашего мужа. Уже два года. А Ромочка в душе, мы с ним изрядно попотели, сами понимаете.

От автора: Муж изменил, а когда я попросила его о помощи, чтобы вызволить сына из полиции за угон автомобиля какого-то генерала, он сказал:

- Весь в отца пошел. В того, кто тебя бросил с пузом. Я же знаю, Оля. Гены пальцем на размажешь! Пятнадцать лет назад

ты пришла ко мне беременная, вся в слезах. Твой лейтенантик военный от тебя отказался, не нужна ты ему с ребенком. А я взял. Из жалости!

Если бы я только знала, в тот миг, чью машину угнал мой сын...

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 14
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Инна Вронская
Измена. Тайный сын от Генерала

Глава 1

Я сижу на кухне и смотрю на свои руки.

Они дрожат.

Мелко, противно, будто иголки под кожей бегают.

Всю ночь я продержалась на ногах на дежурстве, три инфаркта подряд, одного не спасли.

В доме тихо. Слишком тихо. Димы нет. Я обошла все комнаты, заглянула под одеяла, открыла шкаф — пусто. Его кровать не смята. Подушка холодная.

Сын не ночевал дома.

Я обзвонила всех.

Мишу, Лёшу, Вовку, даже девчонок из его класса.

Телефоны молчали, никто не знал, никто не видел.

Классная руководительница, которую я разбудила в шесть утра, долго молчала, потом сказала: «Ольга Сергеевна, Дима в последнее время... вы же знаете».

Я знаю.

Я всё знаю.

Пятнадцать лет, взгляд исподлобья, хлопанье дверью, прогулы, дерзость, компания, в которой я боюсь даже представить своё лицо.

Я пыталась говорить — он огрызался.

Я запрещала — он уходил.

Я умоляла — он смеялся.

— Мам, отстань! Я уже взрослый!

Мам отстань. Мам потом. Мам, я сам уже знаю.

Взрослый. Ночью неизвестно где. Телефон отключён.

Я сжимаю кружку с остывшим кофе. Пальцы белые, суставы выпирают. В груди давит, дышать трудно. Я одна. Муж в командировке. Уехал к поставщикам, сказал, на пару дней. Как всегда.

Роман.

Муж.

Отец моего сына.

В автомобильном бизнесе, деньги, поездки, встречи.

Последний год я вижу его только в зеркале заднего вида — уходящим. Он перестал замечать меня, перестал слышать, перестал приходить.

Дома его нет, в постели нет, в жизни нет. А я всё ждала. Ждала, когда закончатся эти командировки, когда уляжется сезон, когда он посмотрит на меня как раньше.

Дура.

Я набираю в панике его номер. Рома обязательно поможет, у него есть брат в полиции. А может Димка уже на пути

к дому?

Пальцы скользят по экрану, три раза попадаю не туда. Гудок. Длинный, тоскливый. Потом щелчок.

— Алло?

Голос не его. Молодой, звонкий, чуть с хрипотцой. Женский. Я смотрю на экран. Рома. Номер мужа. Не ошиблась.

— Здравствуйте, — говорю я. Голос звучит чужим, будто со стороны. — Мне нужен Роман.

— А вы кто?

В голосе улыбка. Наглая, уверенная, хозяйская.

— Я его жена.

Тишина. Одна секунда. Две. Потом она смеётся. Легко, свободно, будто я сказала что-то нелепое, смешное, не имеющее значения.

— Приятно познакомиться, — щебечет она. — Я Юля, любовница вашего мужа. Уже два года. А Ромочка в душе, мы с ним изрядно попотели, сами понимаете.

Глава 2

— Какой душ? — говорю я в трубку. Голос звенит, руки трясутся, но я держусь. — Вы в своем уме?! Это что, розыгрыш такой?

Она не успевает ответить. Слышен шум, возня, потом голос Романа — запыхавшийся, раздраженный, будто я его от важного дела оторвала.

— Оля, я все объясню... Ты только не кричи, соседей перебудишь.

Я сбрасываю звонок. Кладу телефон на стол.

Что это было?

ЧТО ЭТО БЫЛО?

Ровно через час в замке поворачивается ключ. Роман входит в прихожую, отряхивает с пальто мокрый снег. Вид у него совсем не такой какой бывает у виноватых мужей изменщиков. Так, для галочки. Как будто опоздал на деловую встречу, а не попался на измене с любовницей.

Он проходит на кухню, садится на стул, закидывает ногу на ногу. Смотрит на меня сверху вниз. Я стою у окна, руки скрестила на груди, чтобы не видно было, как они дрожат.

— Ну и где ты был? — спрашиваю я. Голос тихий, чужой.

— В командировке, я же говорил.

— Не ври. Ты был в городе. С ней.

Он вздыхает, потирает переносицу. Усталый, понимаешь. Замученный. Бедный.

— Ну, был. И что? Мужику иногда нужно расслабиться. Ты же вечно на работе, вечно уставшая, вечно не до меня. Я что, каменный?

— Два года, Рома. Она сказала — два года. Ты два года мне в лицо врал.

Он вдруг меняется. Сбрасывает маску усталости, смотрит в упор. Глаза холодные, губы кривятся в усмешку.

— А ты что хотела? Чтобы я всю жизнь с тобой мучился? Ты посмотри на себя! — он кивает на мой халат, на мокрые волосы, на круги под глазами. — Вечно в этом балахоне, вечно разит больницей за километр. Я живую женщину хочу! Молодую, красивую, которая пахнет вкусным парфюмом! Которая заводится с пол-оборота, а не как ты — только о работе и о сыне думаешь днями и ночами!

— О сыне? — переспрашиваю я. — А ты о сыне думал? Ты хоть раз спросил, как у него дела? Где он? Что с ним?

Роман усмехается. Усмехается так, что у меня кровь стынет в жилах.

— А что с ним? Весь в отца пошел. В того, кто тебя бросил с пузом. Я же знаю, Оля. Гены пальцем на размажешь!

Я замираю.

— Что ты сказал?

— А то! — он встает, подходит ближе, смотрит сверху вниз. — Ты думала, я просто так все забуду? Пятнадцать лет

назад ты пришла ко мне беременная, вся в слезах. Твой лейтенантик военный от тебя отказался, не нужна ты ему с ребенком. А я взял. Из жалости. Или из злости — чтобы ему нос утереть. Чтобы он знал: его сына будет растить другой мужик. И что, получилось? Выросло ничтожество, уголовник!

У меня подкашиваются ноги. Я хватаюсь за спинку стула.

— Ты... ты что несёшь?

— Правду! — он почти кричит. — Скажи мне спасибо, что я тебя из грязи вытащил! Дом, деньги, фамилию! А ты мне теперь истерики закатываешь! Да если бы не я, где бы ты была? В общаге со своим Димочкой!

— Не смей! — кричу я. — Не смей так о нём!

— А что о нём говорить? — Роман переходит на ледяной тон. — Посмотри, во что он превращается. Прогулы, компания, полиция скоро за ним приедет. И это не я виноват. Это наследственность. Его отец такой же был — бестолковый, никчёмный. А тебе надо было не в больнице пропадать, а сыном заниматься! Но тебе всегда пациенты важнее были. Чужих спасала, а своего угробила.

— Я спасала людей! — кричу я. — Я кормила нас! Потому что ты вечно в своих командировках, вечно с любовницами, а я одна тащила и работу, и сына, и дом!

— А кто просил? — он усмехается. — Кто тебя просил? Ты сама выбрала. Могла бы дома сидеть, детей рожать. Но тебе же надо, ты же врач, ты же людей спасаешь. Вот и спа-

сай теперь. А мой сын будет другим. Юля мне родит. Моего. Кровного. А этот... — он кивает на телефон, — это не мой. Никогда не был.

Я открываю рот, чтобы ответить, но в этот момент разрывается тишина. Звонит телефон. Домашний. Я смотрю на экран — неизвестный номер. Беру трубку.

— Ольга Сергеевна? — голос официальный, мужской. — Вас беспокоят из отдела полиции. Ваш сын, Дмитрий Колмогоров, задержан. Пытался угнать автомобиль. Приезжайте, пожалуйста.

Я смотрю на Романа. Он слышал. Всё слышал.

И вдруг он улыбается. Улыбается так, будто я сказала что-то смешное.

— Ну вот, — говорит он. — Что я говорил? Весь в отца. Такой же бестолковый. Мой родной сын так бы не поступил. Я бы воспитал. А этого кто воспитывал? Ты? Пятнадцать лет из него человека делала? И что вышло? Уголовник.

— Он не уголовник! Он просто... мальчик...

— Мальчик? Ему пятнадцать! Он уже всё понимает! Он выбрал быть таким! Как его папаша-лейтенантик! — Роман подходит к двери, берет ключи. — Знаешь что, Оля? Я устал. Устал от твоих проблем, от твоего сына, от твоей вечной святости. Ты такая правильная, такая хорошая, такая всех спасаешь. А я жить хочу! По-настоящему!

— Роман! — кричу я. — Ты куда? Сын в полиции! Нам надо ехать!

— К Юле, — бросает он через плечо. — Туда, где меня ждут. По-настоящему. А с этим... — он кивает на телефон, — сама разбирайся. Это твой сын. Твоя забота. Я своё отработал. Пятнадцать лет чужого воспитывал. Хватит. Пусть теперь его настоящий отец забирает. Если найдешь его, конечно.

— Ты не можешь так поступить! Роман, давай поедем в полицию вместе, у тебя связи есть, потом поговорим о нашем браке!

— Могу. И поступлю. И знаешь что, Оля? — он оборачивается на пороге, смотрит с ненавистью. — Если бы ты была нормальной женой, если бы ты хоть чуть-чуть старалась, может, и не пришлось бы мне на сторону ходить. Но ты же всегда была фригидной. Холодной. Тебе лишь бы в больнице своей пропадать. Так что на себя посмотри. Это ты во всём виновата. И в сыне, и в нас. Всё.

Хлопает дверь. Громко, на весь подъезд.

Я стою посреди кухни. Одна. С телефоном в руке, где на экране — вызов из полиции. С сыном, который сейчас в участке. С мужем, который ушёл к другой, оставив меня с чужим, как он сказал, отпрыском.

Кофе давно остыл. Слёз нет. Внутри пустота. Такая огромная, что кажется, я сама сейчас растворюсь в ней. Но время идет, а мой сын в полиции. И я даже не представляю что меня ждет там то, отчего я спасалась все пятнадцать

лет…

Глава 3

Отделение полиции встречает меня тусклым светом и запахом казенной дешевизны. Я сижу на жестком стуле в коридоре, смотрю на закрытую дверь, за которой сейчас допрашивают Диму. Руки сжаты в кулаки, ногти впиваются в ладони.

Дверь открывается. Выходит следователь — мужчина лет сорока, усталый, с мешками под глазами. В руках папка с бумагами. Садится напротив, смотрит на меня с сочувствием.

— Ольга Сергеевна? Я капитан Ветров. Ваш сын... в общем, ситуация неприятная. Вместе с друзьями залез через открытое окно в машину, угнали ее. Покатались и бросили. Хозяин написал заявление.

— Он не уголовник, — говорю я глухо. — Он просто... мальчишка. Глупый. На него компания повлияла.

Следователь вздыхает. Смотрит на меня долго, изучающе. Потом говорит тихо:

— Знаете, Ольга Сергеевна, я бы мог посоветовать вам договориться с потерпевшим. Если он отзовет заявление, дело закроют. Мальчишку отпустят под подписку о невыезде. Поставят на учет, но судимости не будет.

— А если не отзовет?

— Если не отзовет — статья. Угон. До пяти лет. Ему пятнадцать, дадут условно, но клеймо на всю жизнь. И колония

для несовершеннолетних светит. Там такие ребята... — он не договаривает.

Я закрываю глаза. Пять лет. Моему сыну — пять лет. За глупость, за мальчишескую дурь.

— Дайте мне контакты потерпевшего, — говорю я. — Я поговорю с ним. Уговорю.

Следователь колеблется. Потом вытаскивает из папки листок, протягивает мне.

— Я, конечно, не должен этого делать. Но моя жена... — он запнулся. — Вы же анестезиолог? Моей супруге на операции наркоз делали. Вы ее спасли. Сказали, что если бы не вы, она бы не проснулась. Я помню. Я тогда в коридоре сидел, плакал как дурак. А вы вышли, усталая, и сказали: «Все будет хорошо, капитан. Жива ваша жена».

Я смотрю на листок. Адрес. Кирпичный дом на окраине города.

— Спасибо, — говорю я. — Я не забуду.

Следователь кивает. Я встаю, иду к выходу. В коридоре встречаю Диму. Его выводят двое полицейских. Он бледный, губы трясутся, глаза красные.

— Мам... — голос ломается. — Мам, прости... Я не хотел... Мы просто покататься... Я не знал, что это угон...

Я подхожу, обнимаю его. Он утыкается мне в плечо, всхлипывает. Такой большой, выше меня на голову, а сейчас — маленький мальчик, который боится.

Он поднимает голову, смотрит на меня с надеждой:

— Правда? Все будет хорошо?

— Ты поступил необдуманно, Дим. Но я постараюсь тебе помочь, сынок.

Целую сына в лоб. Сейчас главное — найти хозяина машины. Уговорить. Умолять, хоть на коленях.

Я сажусь в машину, смотрю на адрес. Кирпичный дом на окраине. Навигатор показывает полчаса езды. Завожу двигатель, выезжаю на трассу.

Снег перестал, небо прояснилось, вдалеке закат — багровый, тревожный. Я еду и думаю о том, что скажу. О том, как буду просить. О том, что от этого зависит жизнь моего сына.

Дорога петляет, фонари кончились, вокруг темнота. Наконец навигатор сообщает: «Вы прибыли». Я торможу и замираю.

Дом огромный. Кирпичный, с колоннами, с коваными воротами, с высокими окнами, за которыми горит мягкий золотистый свет. Дорога перед домом выложена брусчаткой, у крыльца две иномарки — черный внедорожник и серебристый седан.

Все ухожено, чисто, дорого.

Я выхожу из машины, иду к калитке.

Руки дрожат, дыхание сбивается. Нажимаю кнопку звонка.

Жду. Тишина. Потом шаги. Легкие, быстрые.

Калитку открывает девушка в строгой черной форме. Мо-

лодая, красивая, с идеальной укладкой. Горничная.

— Вы к кому? — спрашивает она вежливо, но с холодком.

— Мне нужен хозяин дома.

— Представьтесь, пожалуйста.

— Ольга Колмогорова. По очень важному делу. Личному.

Девушка исчезает. Я стою у калитки, смотрю на дом. Красивый. Дорогой. Ухоженный.

— Проходите, — девушка возвращается, открывает калитку. — Генерал ждет.

Я иду по дорожке. Сердце колотится где-то в горле. Снег хрустит под ногами. Я поднимаюсь на крыльцо, захожу в дом.

Прихожая огромная. Высокий потолок, паркетный пол, на стенах картины в тяжелых рамах. В углу — вешалка, на ней китель с генеральскими погонами. Золотые звезды блестят в свете люстры.

Я смотрю на них и не могу отвести взгляд. Генерал. Он стал генералом. А был лейтенантом, с которым я целовалась на скамейке в городском парке.

— Ольга?

Голос низкий, хрипловатый. Я поднимаю глаза.

Он стоит в дверях гостиной. Высокий. Широкоплечий. Седина на висках, но лицо молодое, волевое, с четкими скулами и твердым подбородком. Глаза серые, глубокие, с прищуром. На нем простая черная футболка, обтягивающая ши-

рокую грудь, и камуфляжные штаны. Он красив. По-мужски, зрело, властно.

— Ты, — говорит он. Усмехается. — Сколько лет, сколько зим. И как ты здесь оказалась?

— Андрей, — голос у меня дрожит. — Твою машину угнал. Мой сын... Дима. Он был среди тех, кто угнал.

Он поднимает бровь. Усмехается шире, но в глазах — холод.

— Твой сын? Тот самый? От Ромки-бизнесмена? Слышал, он теперь с молодой гуляет. А тебя бросил. С чужим отпрыском. Город маленький, слухи ходят.

Я краснею от злости, но сдерживаюсь.

— Андрей, я пришла просить. Забери заявление. Диме пятнадцать. Он не уголовник, он просто дурак. Если ты заберешь заявление, дело закроют.

Он медленно обходит меня, смотрит сверху вниз. Взгляд тяжелый, насмешливый.

— Просишь? Ты? Меня? — он останавливается напротив. — А помнишь, как я тебя просил? Помнишь, как ты сказала, что я тебя недостоин? Что военный — это нищета, гарнизоны, вечные переезды? А сама через месяц выскочила за Ромку. За деньги.

— Это было не так! — кричу я. — Ты уехал! Не простился! Я ждала, писала, звонила! А ты молчал полгода! А потом прислал письмо, что у тебя другая!

Он хмурится. Впервые в его глазах появляется что-то жи-

вое.

— Какое письмо? Я не писал никаких писем. Меня отправили в горячую точку. На три года. Мне запретили выходить на связь.

Я смотрю на него. Не верю. Не могу поверить.

— Не было письма? Совсем?

— Не было, — он подходит ближе. — А когда я вернулся, твоя мать сказала, что ты вышла замуж. Что ты счастлива. Что я опоздал. Я поверил. Я ушел.

У меня подкашиваются ноги. Я хватаюсь за спинку стула. Мать. Моя мать. Она сказала, что я не хочу его видеть. Она все эти годы...

— Ты плачешь? — он смотрит на меня с удивлением.

— Не плачу, — я вытираю глаза. — Андрей, прошу тебя. Забери заявление. Дима... он не виноват. Он просто... он слышал сегодня, как Роман сказал, что он чужой. Что он не его сын. Что он отпрыск, которого он терпел пятнадцать лет. Дима слышал это. И после этого пошел угонять машину.

Андрей молчит. Смотрит на меня, и лицо его каменеет.

— Чужой? — голос низкий, опасный. — Роман сказал, что он чужой?

— Да. И ушел к любовнице. Сказал, что она родит ему кровного сына. А Дима — не его. Никогда не был

Андрей сжимает кулаки. Жилы на шее вздуваются.

— И ты это стерпела?

— Я думала, что так лучше. Что у Димы будет отец, семья, дом. Я ошибалась. Я во всем ошибалась.

— Ошибалась, — усмехается он. — А теперь пришла ко мне просить за чужого сына?

У меня внутри все взрывается. Ярость поднимается из самой глубины, та, что я копила пятнадцать лет.

— Чужого? — кричу я. — Ты называешь его чужим? Да ты первый, кто его бросил!

Голос срывается и я понимаю что натворила…

Андрей замирает. Смотрит на меня, и в глазах его что-то меняется. Жесткость уходит, остается растерянность.

— Оль, ты о чем? — голос тихий, осторожный. — Какой сын? Чей?

Я смотрю на него. Впервые за пятнадцать лет я могу сказать это вслух. И я говорю.

— Дима — твой сын, Андрей. Твой. Я была беременна, когда ты уехал. Я ждала тебя, писала, звонила. А ты молчал. А потом пришло письмо, что у тебя другая. Я поверила. Роман был рядом, он предложил помощь. Я думала, что так будет лучше. Что у Димы будет отец. Я ошибалась.

Андрей стоит неподвижно. Лицо каменное, но глаза... глаза ломаются. В них боль, такая глубокая, что у меня сердце разрывается.

— Мой сын? — шепчет он. — Дима — мой сын?

— Твой. И ты уже бросил его один раз. Сделай хоть что-то по-человечески для него за пятнадцать лет. Отзови заяв-

ление.

Андрей молчит. Долго. Потом подходит к столику, берет графин, наливает себе воды.

На его лице расцветает хищная ухмылка.

— Интересные новости ты мне преподносишь с утра, Ольга. Пятнадцать лет — это целая жизнь. И ты все это время скрывала от меня моего сына! Я отзову заявление, но у меня есть условие…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.